

Алекса К. Город мёртвых огней

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алекса К.

Город мёртвых огней

<https://litres.ru/73923846>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир сгорел в огне пандемии вируса «Пепел». Цивилизация рухнула, оставив после себя лишь руины, где выжившие ведут отчаянную борьбу за существование. В этом новом мире самые страшные монстры — не заражённые, потерявшие человеческий облик, а сами люди, готовые на всё ради власти и выживания.

Макс, бывший спецназовец, и Алёна, молодой биолог, оказываются в эпицентре катастрофы. Он — циничный одиночка, закалённый войной. Она — учёный, верящий в силу знаний. Их пути пересекаются в хаосе гибнущего города, где правят бал безжалостные банды и фанатики-«Чистильщики».

Вместе им предстоит пройти через ад: вырваться из ловушек военных блокпостов, где расстреливают всех подряд, столкнуться с ужасающей эволюцией вируса, породившего новый, смертоносный штамм, и раскрыть страшную правду о том, кто на самом деле стоит за эпидемией. На их плечах лежит миссия не только выжить, но и спасти остатки человечества, создав лекарство из последних даров погибшей природы.

Содержание

Часть 1. Катастрофа	4
Глава 1. Макс.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Алекса К.
Город мёртвых огней

Часть 1. Катастрофа

Глава 1. Макс.

Город N умирал. Это не было метафорой или преувеличением, к которым так любят прибегать журналисты в своих репортажах. Это был сухой, неопровержимый факт, который с каждой минутой становился всё более очевидным для тех, кто ещё был способен мыслить здраво. Воздух, ещё вчера пахнувший выхлопными газами и жареными пирожками из ларька у метро, теперь был пропитан чем-то иным — тяжёлым, сладковатым запахом гари и чего-то ещё, что Макс, бывший военный, слишком хорошо знал. Запах разложения. Запах смерти.

Макс стоял у окна своей квартиры на пятом этаже панельной девятиэтажки. Рука, сжимавшая кружку с давно остывшим кофе, побелела от напряжения. Он смотрел вниз, на улицу, которая ещё несколько часов назад была наполнена привычной суетой: мамыши с колясками, спешащие на работу клерки, старики на лавочке. Теперь же это была панорама из фильма ужасов, который кто-то решил снять без предупреждения и дублей.

Внешне Макс напоминал оживший памятник суровой мужественности. Широкие плечи, обтянутые простой серой футболкой, говорили о силе, накопленной за годы службы. Его телосложение было не результатом модного спортзала, а итогом изнурительных тренировок и реальных боевых задач.

Короткий «ёжик» тёмных волос на голове и тяжёлая, но аккуратная щетина на волевом подбородке лишь подчёркивали его образ. Холодный, оценивающий взгляд выдавал в нём человека, который видел слишком много дерьма и привык полагаться только на себя. На предплечье виднелась старая армейская татуировка — безмолвное напоминание о братстве и операциях, о которых он никогда не рассказывал жене..

В спальне, собирая вещи, суетилась его жена Лена. Она была полной противоположностью суровому образу мужа. Невысокая, хрупкая, с мягкими чертами лица и копной вьющихся каштановых волос, которые сейчас растрепались от спешки. В её больших карих глазах плескался страх, который она отчаянно пыталась скрыть. Лена работала кардиологом в городской больнице, и её руки привыкли спасать жизни в стерильной тишине операционных, а не в хаосе рушащегося мира. Сейчас эти руки дрожали, пытаясь застегнуть молнию на рюкзаке их семилетнего сына.

Всё началось с экстренного выпуска новостей. Сначала — сбивчивые сообщения о «массовых беспорядках» в центре города. Затем — кадры с улиц: люди, набрасывающиеся друг на друга с животной яростью, кровь, крики. Диктор в студии пытался сохранять спокойствие, но его голос дрожал. Он говорил о «неизвестном вирусе», о «вспышке агрессии», призывал оставаться дома и ждать дальнейших инструкций.

Макс не стал ждать. Его инстинкты, отточенные годами

службы и выживания в горячих точках, сработали мгновенно. Это не был грипп и не была обычная эпидемия. Это была война. И первый удар она нанесла по самому уязвимому — по семьям.

— Лена! Саша! Собирайтесь! **Быстро!** — его голос прорезал тишину квартиры как удар хлыста.

Жена Лена выглянула из спальни. Её глаза были широко раскрыты от страха, который она пыталась скрыть за маской спокойствия ради семилетнего сына Саши.

— Макс, что происходит? По телевизору говорят...

— К чёрту телевизор! — он уже натягивал тактические ботинки. — Это не грипп. Это что-то похуже. Нам нужно выбираться из города. Сейчас же.

Он не стал объяснять ей про укусы, про то, как заражённые теряют человеческий облик за считанные минуты, превращаясь в одержимых жадой плоти тварей. Он видел достаточно в своей жизни, чтобы распознать начало конца по первым кадрам.

Сборы были хаотичными. Саша плакал, не понимая, почему мама так спешно запихивает в рюкзак его любимого плюшевого медведя, а папа ходит по квартире и собирает всё, что напоминает оружие: кухонный нож покрупнее, топорик для мяса, бейсбольную битку из кладовки.

— Папа, мне страшно... — прошептал Саша, вцепившись в руку Макса.

Макс присел на корточки перед сыном. В его глазах

мелькнуло что-то человеческое, тёплое.

— Не бойся, солдат. Я с тобой. Мы выберемся. Обещаю.

Они вышли из подъезда в тот момент, когда солнце начало клониться к закату, окрашивая небо в багровые тона. Картина снаружи была пострашнее любого фильма про зомби. Их сосед по площадке, дядя Коля, который ещё вчера чинил им кран, стоял посреди двора и раскачивался из стороны в сторону. Его лицо было серым, а на щеке зияла глубокая рана. Увидев их, он издал низкий, утробный рык и медленно двинулся в их сторону.

— Назад! В машину! — рывкнул Макс.

Его старенькая «Лада» стояла у подъезда. Ключи были в руке. Он распахнул заднюю дверь для Лены и Саши.

— Запрись изнутри и не открывай никому! Даже мне, пока я не скажу пароль!

Лена кивнула, бледная как полотно. Она затолкала Сашу в машину и села сама.

Макс сел за руль и повернул ключ в замке зажигания. Двигатель чихнул и... заглох.

— Давай же! **Давай!** — он повторил попытку. Ничего.

Сзади раздался стук в стекло. Лена вскрикнула.

Макс обернулся и увидел лицо дяди Коли в нескольких сантиметрах от стекла машины. Его глаза были пустыми, мёртвыми, но тело двигалось с пугающей целеустремлённостью. Он бил кулаком по стеклу, оставляя на нём кровавые разводы.

— Газуй! — закричала Лена.

— Не заводится! — Макс снова и снова поворачивал ключ.

Решение пришло мгновенно. Он не мог рисковать семьёй из-за чёртовой машины.

— Так, план «Б». Выходим через другую дверь! Быстро!

Он выскочил из машины и обежал её сзади к пассажирской двери со стороны Лены. Дядя Коля уже потерял интерес к машине и медленно ковылял к ним.

— Бежим к гаражам! Там проход на соседнюю улицу!

Они рванули через двор. Макс крепко держал Сашу за руку, другой рукой сжимая битую. Лена бежала следом с рюкзаком наперевес.

Они почти добежали до арки, ведущей на соседнюю улицу, когда всё пошло наперекосяк. Из-за угла дома вывернул мужчина в деловом костюме. Он бежал так быстро, как только мог на своих двоих, а за ним гнались двое заражённых — женщина в домашнем халате и подросток с разорванным горлом.

Мужчина увидел их и изменил траекторию.

— Помогите! Пожалуйста! — его голос сорвался на визг.

Макс инстинктивно шагнул вперёд, выставив битую перед собой как щит. Он не был героем-альтруистом, но оставить человека на растерзание он не мог.

— Бегите! Я задержу их!

Он встретил первого заражённого мощным ударом биты

по голове. Череп треснул с мерзким звуком, тварь упала замертво. Второй бросился на него сбоку. Макс успел увернуться и толкнуть его плечом в стену гаража.

В этот момент мужчина в костюме поравнялся с ними. Он был уже совсем близко к арке... но споткнулся о бордюр и упал прямо под ноги Лене и Саше.

Всё произошло за секунды. Заражённый подросток оттолкнул Макса с нечеловеческой силой и метнулся к упавшему мужчине. Но его целью была не жертва на земле. Его целью была Лена с Сашей на руках.

Макс услышал крик сына раньше, чем увидел происходящее. Он развернулся всем корпусом и вложил всю свою ярость и отчаяние в один-единственный удар битой по спине твари. Удар был страшен — позвоночник хрустнул, заражённый рухнул на асфальт прямо у ног Лены.

Но было поздно.

Мужчина в костюме уже поднялся на ноги. Его лицо было перекошено от ужаса и боли — на его руке зиял укус от того самого подростка. Он посмотрел на Макса дикими глазами.

— Я... я заразился? — прошептал он дрожащими губами.

Прежде чем Макс успел ответить или хотя бы подумать о том, чтобы отойти подальше от укушенного человека, тот сделал шаг назад... споткнулся о тело убитого заражённого... и упал навзничь прямо на торчащий из его головы осколок кирпича или арматуры от удара битой Макса.

Тишина накрыла двор внезапно. Только тяжёлое дыхание

Макса и всхлипывания Саши нарушали её.

Лена стояла неподвижно, глядя на мёртвого мужчину у своих ног. На её джинсах были брызги крови.

— Мама? — Саша дёрнул её за рукав кофты.

Лена вздрогнула и посмотрела на сына невидящим взглядом.

— Всё... всё будет хорошо... — прошептала она автоматически.

Макс подошёл к ним и обнял обоих одной рукой за плечи.

— Нам нужно идти. Сейчас же. Он скоро поднимется... или придут другие на шум.

Он не стал говорить ей страшную правду о том, что укушенные обращаются очень быстро. Иногда — за минуты.

Они двинулись дальше уже медленнее. Макс шёл впереди как ледокол, прокладывая путь через завалы мусора и брошенные машины. Город погружался во тьму не только из-за заката — во многих районах уже отключилось электричество. Окна домов зияли чёрными провалами или мерцали тревожным светом свечей — островки жизни посреди океана смерти.

На одной из улиц они наткнулись на баррикаду из полицейских машин и грузовиков национальной гвардии. Солдаты в костюмах химзащиты пытались сдержать толпу обезумевших людей... или уже нелюдей? Грохот автоматных очередей бил по ушам.

Макс свернул в переулок, уходя подальше от этого ада.

Здесь было тихо... Слишком тихо для умирающего города. Они вышли к небольшому парку или скверу с детской площадкой посередине. Пустые качели медленно раскачивались на ветру под скрип несмазанных цепей — жуткая симфония апокалипсиса.

И тут они увидели их снова. Трое заражённых стояли у дальнего края площадки спиной к ним и что-то рвали на части у подножия большой горки-трубы. Макс прижал палец к губам и жестом приказал Лене и Саше спрятаться за массивной скамейкой без спинки.

Он осторожно выглянул из-за укрытия. То, что они рвали... это было тело человека в форме охранника торгового центра. Твари были так увлечены пиршеством, что пока не замечали новых гостей парка крови.

Макс огляделся в поисках пути обхода или другого выхода из сквера через кусты сирени вдоль забора школы напротив. Но другого пути не было — только через площадку или обратно под пули военных.

Он крепче сжал битую и сделал глубокий вдох-выдох как перед прыжком с парашютом или боем.

— Сидите здесь, чтобы ни случилось, — прошептал он Лене одними губами.

Она кивнула, прижимая к себе Сашу так сильно, что тот пискнул от боли.

Макс выскользнул из-за скамейки и начал бесшумно обходить площадку по периметру деревьев, стараясь держать-

ся в тени кустов сирени. Он двигался плавно, как учили его инструкторы много лет назад: перекат стопы с пятки на носок, дыхание ровное через нос.

Он был уже почти у цели — до тварей оставалось метров десять — когда под его ногой предательски хрустнула сухая ветка погребённой "под снегом сирени".

Все трое заражённых замерли одновременно, как по команде «смирно». Они медленно повернули головы на звук.

И увидели его.

Их лица были масками смерти: кожа синюшно-серая или багровая от лопнувших сосудов, глаза мутные или полностью белые без зрачков (у одного), рты перемазаны кровью их жертвы...

Но самое страшное было не это. Самое страшное было то, что один из них был ребёнком лет десяти-двенадцати в грязной школьной форме со значком «Юный спасатель» на груди.

Твари синхронно издали низкий рык и бросились на него все сразу: двое взрослых (мужчина в драной куртке дворника и женщина неопределённого возраста) и ребёнок-мертвец бежали быстрее всех остальных вместе взятых.

У Макса не было времени на раздумья или сожаления о том, что ему придётся убить ребёнка (хотя это существо уже давно перестало им быть). Он встретил первого нападающего — дворника — прямым ударом биты в лицо с такой силой, что тот отлетел назад метра на три и рухнул без движе-

ния (или почти без).

Женщина налетела сбоку справа одновременно с ребёнком, который бежал слева слева слева слева...

"Слева!"

Макс успел подставить предплечье под укусы ребёнка-мертвеца (зубы вонзились в ткань куртки), но женщина повисла у него на спине мертвой хваткой обхватив руками за шею пытаясь дотянуться зубами до затылка.

Он чувствовал её горячее смрадное дыхание на своей шее чувствовал вес её тела который тянул его вниз к земле.

Он упал на одно колено, но сумел удержать равновесие одной рукой упершись в землю, а другой продолжая удерживать биту которую выбил при падении.

Ребёнок прыгнул ему на спину пытаясь добраться до лица царапая щеку ногтями похожими на когти.

В голове Макса взорвалась красная вспышка ярости смешанной со страхом за семью, которая была всего в десяти метрах отсюда.

"Я должен выжить... Я должен их защитить..."

Он резко качнулся всем телом назад, падая навзничь прямо спиной на землю, чтобы придавить женщину-заражённую своим весом.

Раздался тошнотворный хруст ломающихся рёбер, её хватка ослабла она захрипела.

Не теряя ни секунды, пока ребёнок-мертвец всё ещё пытался удержаться у него на спине, Макс вывернул руку, схва-

тил его за волосы другой рукой, упёрся коленом ему в спину...

И одним резким движением свернул ему шею...

Тело ребёнка обмякло упало рядом.

Женщина под ним ещё хрипела, пыталась ползти царапая асфальт сломанными ногтями.

Макс поднялся, подобрал битую подошёл к ней, посмотрел ей прямо в эти пустые мёртвые глаза, которые когда-то принадлежали матери или бабушке кому-то кто жил, любил, смеялся...

И нанёс один точный сокрушительный удар битой по затылку...

Она затихла навсегда...

Он стоял тяжело дыша посреди детской площадки, залитый чужой кровью, чувствуя, как бешено колотится сердце, готовое выпрыгнуть из груди.

Лена выбежала из-за скамейки держа Сашу за руку, они подбежали к нему.

— Ты ранен? Ты весь в крови!

— Это не моя... В основном... Царапина... Пустяки... — он потрогал щеку, где остались глубокие борозды от ногтей ребёнка-мертвеца.

Они пошли дальше, уже почти бегом пересекли сквер, вышли через пролом в заборе школы и оказались во дворах жилых домов, где царил хаос: разбитые витрины магазинов, дым из окон первых этажей, вой сирен, которые скоро тоже

смогли навсегда.

На одной из улиц они увидели перевернутый военный грузовик, рядом лежали тела солдат. А чуть поодаль стояла армейская радиостанция, закреплённая на треноге, рядом с которой никого не было. Она работала передавая помехи вперемешку с обрывками фраз:

«...база Омега... код красный... полная изоляция периметра...»

«...группа Альфа уничтожена... повторяю группа Альфа уничтожена, прорыв северного сектора...»

«Всем выжившим приказываю двигаться к точке сбора "Ковчег" ... координаты будут переданы позже...»

«Омега это "Стрела" мы держим оборону, но долго не продержимся нужна эвакуация гражданских...»

«Карантин неизбежен... Повторяю! **Карантин неизбежен.** Никто не войдёт, никто не выйдет...»

Макс замер, слушая эти голоса из другого мира. Мира, который ещё пытался бороться, но уже проигрывал эту войну. Голоса из армейской радиации, работавшей на соседней улице, доносились обрывками, словно предсмертные хрипы цивилизации: «...база Омега... код красный... полная изоляция периметра...». Это были не просто помехи. Это был звук конца света.

Он посмотрел на Лену. Её глаза, огромные от пережитого ужаса, всё ещё искали в нём защиту. Рядом с ней, вцепившись в её руку так, что побелели костяшки, стоял Саша. Его

семилетний сын, который ещё вчера боялся темноты в своей комнате, а сегодня смотрел на растерзанные тела на детской площадке с недетским, пугающим спокойствием. Саша прижимался к матери, испуганно глядя по сторонам, и этот взгляд ребёнка, видевшего то, что не должен видеть никто и никогда, резал Макса по живому.

В этот момент внутри него, закалённого годами службы и выживания в самых горячих точках планеты, шла ожесточённая битва. Холодный, логичный голос его военного прошлого, голос инстинкта самосохранения, заговорил первым. Он принял это решение мгновенно. Оно было безупречным с точки зрения тактики.

«Семья замедляет его. Делает уязвимым. Он должен быть быстрым, беспощадным, чтобы выжить. Чтобы добраться до этой "Омеги", где есть шанс найти вакцину или хотя бы ответы. Брось их. Ты — оперативник. Твоя задача — выжить и доложить. Они — обуза. Лишний шум. Слабое звено».

Но он был человеком, а не роботом.

И он любил их больше жизни. Несмотря ни на что. Несмотря даже на весь этот кошмар вокруг. Мысль о том, чтобы оставить их, была физически невозможна. Это было бы предательством не просто их доверия, а всего того, что делало его человеком после десяти лет войны.

— Сюда, — хрипло скомандовал он, указывая на узкий проход между гаражами, ведущий к подвалу старой пятиэтажки.

Они спрятались там. Подвал показался Максy надёжным убежищем — крепкая железная дверь, которую он тут же заблокировал найденной ржавой трубой отопления. Там было очень темно и сыро. Пахло плесенью, мочой и вековой пылью, но это был запах жизни по сравнению с тем смрадом смерти, что стоял наверху.

Они провели остаток ночи, сидя на холодном бетонном полу, прижавшись друг к другу в жалкой попытке согреться и найти утешение в близости родных тел. Они слушали звуки умирающего города над головой: нечеловеческий вой сирен, который скоро тоже смолкнет навсегда, топот сотен ног — то ли бегущих в панике людей, то ли уже преследующих их тварей, редкие выстрелы и далёкие взрывы.

Лена уснула первой. Обессиленная, сломленная ужасом, она просто отключилась, положив голову ему на плечо. Её дыхание было прерывистым, а тело иногда вздрагивало от кошмаров. Саша свернулся калачиком у неё под боком, тоже спал беспокойно, вздрагивая во сне и тихо поскуливая. Макс обнимал их обоих одной рукой, чувствуя тепло их тел — единственное доказательство того, что мир ещё не окончательно рухнул.

А сам Макс сидел неподвижно, прислонившись спиной к холодной бетонной стене. Он смотрел в непроглядную тьму подвала и ничего не видел. Перед его внутренним взором всё ещё стояла картина: мёртвые глаза ребёнка-зомби и хруст его шеи под ударом биты. Он сжимал своё единственное ору-

жие побелевшими пальцами до боли, до судороги в мышцах.

И думал только об одном: «Я должен был спасти их... Я обещал спасти их...»

Он дал слово сыну там, у подъезда: «Не бойся, солдат. Я с тобой». И он нарушил это слово в первую же ночь апокалипсиса. Он привёл их в ловушку из которой не было выхода.

Но он знал суровую правду войны, правду выживания: «Иногда, чтобы выжить самому или выполнить миссию, нужно пожертвовать самым дорогим».

Внезапно тишину подвала пререзал звук. Не снаружи. Изнутри. Тихий стон Лены сменился утробным рычанием.

Макс почувствовал это раньше, чем увидел в темноте движение. Тело жены выгнулось дугой в его руках. Её голова резко запрокинулась назад с такой силой, что хрустнули позвонки. Она открыла глаза. В них не было больше знакомой ему карей теплоты и страха. Там была лишь бездонная чёрная пустота и голод.

Она оскалилась и кляцнула зубами в миллиметре от его шеи.

Время для Макса остановилось и понеслось одновременно. В одну секунду пронеслась вся его жизнь: присяга в армии, первая встреча с Леной в больничном коридоре (он тогда пришёл навещать раненого товарища), рождение Саши...

И смерть Саши.

Мальчик проснулся от шума и сел рядом с матерью. Он ещё не понимал, что происходит. Он просто хотел спать и

был напуган странным поведением мамы.

Лена, которая уже была не ей, с нечеловеческой скоростью развернулась к сыну.

Макс действовал на чистых рефлексах. За годы службы его тело научилось реагировать быстрее мысли. Он не кричал «Нет!». Он просто перехватил битку двумя руками и нанёс один-единственный удар.

Удар пришёлся точно в висок существа, которое когда-то было его женой.

Тело Лены обмякло и рухнуло на пол подвала.

Саша замер. Он смотрел то на лежащую мать с неестественно вывернутой головой, то на отца. В глазах отца не было ничего человеческого — лишь ледяная пустота и решимость убивать дальше.

— Мама? — прошептал мальчик дрожащим голосом.

Макс медленно перевёл взгляд на сына. Он видел перед собой не просто испуганного ребёнка. Он видел потенциальную угрозу. Вирус распространялся через укусы со скоростью лесного пожара. Сколько времени прошло с момента нападения во дворе? Час? Два? Достаточно ли этого?

Он смотрел на царапину на руке сына от падения или след от укуса? В темноте было не разобрать.

«Иногда нужно пожертвовать самым дорогим».

Руки Макса сжали битку так сильно, что дерево зазаскрипело.

Но он был человеком.

Он отбросил битую в сторону так резко, словно она обожгла ему руки. Он упал перед сыном на колени и прижал его к себе так крепко, как только мог.

— Тише... тише... всё кончилось... папа здесь... папа рядом... — шептал он ему в макушку, глядя по волосам и чувствуя, как маленькое тельце сотрясается от беззвучных рыданий.

Он принял второе решение за эту ночь. Оно было таким же холодным и логичным, как и первое отвергнутое им решение бросить их. Но теперь оно было окрашено в багровые тона мести.

Он не станет убивать своего сына из милосердия или страха перед заражением. Он будет бороться за него до конца. Если у Саши есть хоть один шанс из миллиона остаться человеком — они используют его вместе.

А если нет... значит, они умрут вместе.

Макс поднял сына на руки так же легко, как делал это раньше, когда тот был совсем маленьким.

— Мы уходим отсюда, солдат, — тихо сказал он голосом, который не допускал возражений.

Он отодвинул трубу отопления. Металл заскрежетал по бетону с оглушительным, как казалось в тишине подвала, звуком. Макс замер, прислушиваясь. Снаружи было тихо. Слишком тихо. Он приоткрыл дверь.

В щель хлынули звуки нового мира: не просто крики и стрельба, а влажное, утробное рычание, сливающееся с воем

ветра в пустых оконных проёмах. Пахнуло гарью, нечистотами и тем самым, сладковатым запахом разложения, который теперь стал главным ароматом этого города. А город N над ними продолжал гореть, тонуть во тьме, превращаясь в Город Мёртвых Огней. Но для Макса тьма рассеялась окончательно. У него больше не было сомнений или страха за свою жизнь. У него осталась только одна цель.

Он вышел из подвала в ночь нового мира не как беглец и не как жертва обстоятельств. Он нёс на руках Сашу. Мальчик обнимал его за шею, всхлипывая, но уже не плакал — у него просто не осталось слёз. Макс вышел как палач. Но его карающий меч ещё не был омыт кровью тех, кто действительно был виноват.

Они прошли несколько шагов по заваленному мусором двору, прячась в тени. Макс искал машину. Любую. Он должен был увезти сына отсюда. Должен был найти помощь, о которой говорили по радиии. Должен был выжить.

Внезапно Саша в его руках напрягся всем телом. Мальчик выгнулся дугой, так что Максусу пришлось перехватить его поудобнее. Из груди сына вырвался не всхлип, а какой-то странный, булькающий хрип.

— Саша? — тихо позвал Макс, останавливаясь. — Что с тобой, солдат?

Мальчик медленно повернул голову. Его глаза... они больше не были глазами его сына. В них не было страха или боли. В них была лишь та же самая бездонная чёрная пустота

и голод, что он видел в глазах Лены за секунду до удара. Тело ребёнка начало биться в судорогах, мышцы напряглись с нечеловеческой силой.

— Нет... — выдохнул Макс. Это было единственное слово, на которое у него хватило воздуха в лёгких. — Нет-нет-нет...

Он всё понял мгновенно. Вирус. Укус во дворе. Прошло слишком мало времени? Или слишком много? Это уже не имело значения. Его сын умирал прямо у него на руках, превращаясь в одну из тех тварей.

Саша оскалился. Детское лицо исказила гримаса ярости и голода. Он зашипел и потянулся зубами к шее отца.

Макс действовал на рефлексах. Не как отец, а как солдат, спасающий мир от угрозы. Он сделал шаг назад, плавно опуская битую, которую всё ещё сжимал в руке. Он не мог смотреть сыну в глаза. Он смотрел на точку чуть выше его переносицы.

— Прости меня, — прошептал он одними губами.

Удар был коротким и точным. Не таким, каким он бил заражённых на улице. Этот удар был милосердием. Череп хрустнул негромко, почти деликатно. Тело в его руках мгновенно обмякло и стало тяжёлым-тяжёлым.

Макс стоял посреди тёмного двора, держа на руках своего мёртвого сына и вспомнил про свою мёртвую жену, оставшуюся там, в подвале.

У него осталась только одна цель: найти тех, кто выпустил

этот ад на волю из пробилок какой-нибудь секретной лаборатории «Омега», и заставить их заплатить за всё сполна.

Но теперь эта цель была окрашена не только в багровые тона мести.

Она была пропитана невыносимой, сводящей с ума виной.

Три дня спустя.

Подвал был его склепом и его крепостью. Макс сидел в той же позе, прислонившись к холодной бетонной стене. Железная дверь была снова заблокирована трубой. Но теперь он заперся здесь не от внешнего мира.

Он запер здесь себя.

Тьма больше не рассеялась. Она стала абсолютной и жила внутри него. Звуки умирающего города над головой превратились в белый шум. Он больше не слушал их.

Перед его глазами на бесконечном повторе шла плёнка с двумя сценами. Сцена первая: хруст шеи Лены под ударом биты. Её тело падает на холодный пол. Сцена вторая: судорога, пробегающая по телу Саши в его руках. И его собственный удар — короткий, точный, прощальный.

«Я должен был спасти их... Я обещал спасти их...» Эта мысль билась в его черепе раскалённым гвоздём при каждом ударе сердца.

«Ты спас их», — шептал другой голос, холодный и логичный. Голос спецназовца ГРУ. «Ты прекратил их мучения. Ты не дал им стать монстрами».

«Я убил их», — выл отец внутри него. «Я убил свою се-

мью».

Иногда он поднимал взгляд к потолку подвала и беззвучно смеялся. Горьким, лающим смехом сумасшедшего. Он вышел как палач? Какая ирония. Палач казнил своих собственных любимых. А потом казнил себя самого, заперев в этой каменной могиле живым.

Он сидел так часами, сжимая битую до судороги в мышцах, но боль в руках была ничем по сравнению с болью в груди. Там была пустота размером со вселенную.

А город N над ним продолжал гореть. Город Мёртвых Огней.

И где-то там, в этом аду, всё ещё звучали обрывки радиосообщений о «базе Омега».

Макс медленно поднял голову. Безумный смех стих. В его глазах больше не было пустоты. Там плескалась чистая, концентрированная ненависть.

Он поднялся на ноги одним плавным движением зверя перед прыжком.

Его семья мертва.

Но охота только начинае

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.